

ДВА ТЕЗИСА О РОССИЙСКОМ РЕЛИГИОВЕДЕНИИ

Внимательно прочитав заметки Татьяны Фолиевой о состоянии российского религиоведческого сообщества, могу только согласиться с большинством высказанных суждений, а в тех пунктах, по которым имею несколько отличающееся мнение, лишь внести некоторые корректирующие поправки. Думаю, что в целом картина ситуации дана очень близкая к действительности. Поэтому не стану разбирать отдельные сюжеты, определяя для них меру точности или неточности данного описания. Очевидно, что как человек, пребывающий внутри российского конгломерата наук о религии, я мог бы ещё и умножить констатации разных слабых и сомнительных состояний нашего религиоведения. Постараюсь, однако, этого не делать относительно конкретных и частных вопросов, а остановлюсь на том, что считаю принципиальным. Обойтись без собственных критических суждений здесь не получится, но эти суждения не будут самоцелью, скорее являясь неизбежным атрибутом любого субъективного, при этом искреннего, размышления над небезразличным предметом (поэтому сразу извиняюсь и прошу не считать признаком сомнения, что ссылаться буду преимущественно на себя). В силу пространности темы ограничу свои рефлексии над этим предметом двумя тезисами.

1. Прежде всего, термин «религиоведческое сообщество» не кажется мне адекватным. Может это и пустяк, но от того как мы себя именуем тоже ведь что-то зависит в самопонимании.

Лет пять тому назад, на одной из конференций в тогдашней РАГС, я предложил термин «религиоведческая среда»¹ (замечу, что службы «Среда»² тогда ещё в помине не было). Коллеги термин встретили не без иронии, шутили про «религиоведческие» то ли понедельник, то ли пятницу; но спорить никто не стал – не исключаю, что внутренне согласились (по крайней мере, в этом же заведении год тому назад

¹ Смирнов М.Ю. О российском религиоведении: спорные вопросы // Вопросы религии и религиоведения (Антология отечественного религиоведения). Вып. 2. Религиоведение в России в конце XX – начале XXI в. Книга 1 (I) / Сост. и общ. ред. В.В. Шмидт, И.Н. Яблоков. – М.: ИД «МедиаПром», 2010. – С. 129.

² Некоммерческая Исследовательская Служба «Среда», см.: URL <http://sreda.org/>, дата обращения 01.09.2015.

мой доклад на пленарном заседании та же примерно публика встретила вполне лояльно). Термином этим я попытался смягчить свой резкий тезис о «мираже» российского религиоведения¹, столь не понравившийся И.Н. Яблокову, что он поминает это периодически в своих «ваковских» публикациях (повышая мою цитируемость)². Позднее я уточнил свою позицию, сделав необходимые оговорки, но в принципе она осталась прежней³.

Цель применения названного термина в том, чтобы обозначить состояние того множества учёных людей, которые так или иначе связали себя с религиоведением (а также и тех, которых привязывают к религиоведению даже вопреки их иной самоидентификации, — не уверен, скажем, что всякий востоковед или историк, которым не обойти религию в своих научных изысканиях, по доброй воле назовёт себя религиоведом).

Среда вместо сообщества — это не должно восприниматься уничижительно. Известно ведь, что средой называют и насыщенный «растительный бульон», в котором нечто напитывается до состояния, дающего возможность дальнейшей кристаллизации. Среда людей, занимающихся в России научным изучением религий, совокупно — это и есть такой «бульон». В нём множество потенциальных и актуальных талантов, трудяг и лентяев, энтузиастов и случайных индивидов взаимно подпитываются общением, сотрудничеством, конкуренцией, научным взаимовлиянием, а бывает — и неприязнью, интриганством, противостоянием.

Если исходить из признаков известного различия *Gemeinschaft* и *Gesellschaft*⁴, эту совокупность религиоведствующих субъектов

¹ Смирнов М.Ю. Религиоведение в России: проблема самоидентификации // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 2009. №1. — С. 100.

² См., напр.: Меньшикова Е.В., Яблоков И.Н. О периодах в истории отечественного религиоведения // Вестник Московского университета. Сер. 7. Философия. — 2011. №5. — С. 98–116; Яблоков И.Н. Религиоведение и история религиоведения. дискуссии в отечественной литературе // Религиоведение. — 2011. №3. — С. 127–139; Он же. К дискуссии о современном состоянии и истории отечественного религиоведения // Государство, религия, Церковь в России и за рубежом. — 2011. №1. — С. 165–172. — Прим. ред.

³ Смирнов М.Ю. Религия и религиоведение в России. — СПб.: Издательство Русской христианской гуманитарной академии, 2013. — С. 158, 163–164 и 176–178.

⁴ Нем. «общность» и «общество»; отсылка к разделению понятий, введенному

нельзя назвать ни сообществом, ни обществом. Для состояния целостного сообщества религиоведам в России явно не хватает морального единства, общезначимых и общеразделяемых ценностей; да и с харизматическими лидерами туговато. Для состояния целостного общества – не хватает признанных за необходимость расчетливых соображений о полезности, выгоде договорного единения; так же нет и авторитарной формальной инстанции, которая бы всех «построила» в иерархизированную организацию. В то же время определённые черты того и другого (сообщества и общества) в нашей религиоведческой среде присутствуют.

Периодически почти спонтанно возникают объединения симпатизирующих друг другу в научном смысле учёных, связанных неформальными отношениями, т.е. некие эквиваленты сообщества. Коллеги находят друг друга по близким научным интересам, ищут формы сотрудничества. При этом никаких «указаний сверху» не поступает, имеет место самодеятельность учёных, осознающих для себя необходимость консолидации. Недоброжелатели могут это назвать «групповщиной». Но мне так думается, что это нормальный процесс кристаллизации в «бульоне» религиоведческой среды.

Эквиваленты общества тоже возникают – в виде всяких ассоциаций и тому подобного, но они, как справедливо констатирует Т.А. Фолиева, «не защищают интересы своих членов», «эти профессиональные организации являются пантеоном чьих-то амбиций». (Я бы только вместо «пантеон» использовал другое слово).

Можно «утешиться»: практически всё, высказанное Т.А. Фолиевой, вкуче с другими сетованиями, почти один в один встречается везде у отечественных (только ли?) гуманитариев. Достаточно на место «религиоведения» поставить, например, «культурологию» или там какую-нибудь «историю и теорию искусства» – получим очень похожую картину.

Возникает вопрос: должны ли религиоведы упрекать себя (или кого-то ещё) за пребывание в таком диффузном состоянии? Ответу просто: нет, не должны. Равно, как не должны и игнорировать Фердинандом Тённисом в одноименной работе, см.: Тённис Ф. Общность и общество. Основные понятия чистой социологии / Пер. с нем. Д.В. Складнева. – СПб.: «Владимир Даль», 2002. – прим. ред.

непрезентабельность своего совместного наличного бытия и всего, что обусловило такое бытие.

Само это состояние, с той предшествовавшей историей, которая к нему подвела, требует несуетного изучения и корректных выводов. То есть не надо воевать друг с другом по поводу прошлого (тем более, что все «обидные» слова от заинтересованных персон уже прозвучали), надо это прошлое внимательно исследовать, без предвзятости в любую сторону. С этой точки зрения могу только приветствовать очень несовершенный и уязвимый, но толковый и полезный коллективный труд «“Наука о религии”, “Научный атеизм”, “Религиоведение”»: Актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI века»¹. Такое исследование мне представляется необходимым для самоосознания российских религиоведов (причём, для молодых учёных, не имеющих сложного советского опыта, это не менее важно, чем для старшего поколения, по инерции доругивающегося меж собой о несбывшемся).

Когда некоторые коллеги говорят, что хватит уже выяснений того – было или не было в России религиоведение, а надо делом заниматься, очень хочется согласиться, но только – включив в это самое «дело», наряду со всеми актуальными проблемами, и честное академическое исследование на тему «было / не было».

В завершение первого тезиса: остаюсь при убеждении, что пока мы, российские исследователи религии (из каких бы профессиональных направлений ни были), – ещё «религиоведческая среда». Ничего обидного в этом нет. Такое состояние, по моему мнению, является неизбежным при нашей истории, и значит – объективным. А вот что взойдёт из этого состояния – зависит от того, как подготовим смену; от того, хотим ли вообще кого-то вырастить на смену; от того, что понимаем под религиоведением и от того, насколько профессионально этим религиоведением занимаемся.

2. От упоительной дискуссии о диагнозе и маркировке (общество / сообщество / среда и т.д.) всё же надо перейти

¹ «Наука о религии», «Научный атеизм», «Религиоведение»: актуальные проблемы научного изучения религии в России XX – начала XXI в. / Сост., предисл., общ. ред. К.М. Антонова. – М.: Издательство ПСТГУ, 2014.

к трудным вопросам собственно профессиональной деятельности религиоведов в России.

Здесь, на мой взгляд, основным стоит двуединый вопрос: чем заниматься и зачем заниматься? На вторую часть этого вопроса ответить можно бесхитростно: а затем, что интересно. Это будет хороший ответ – действительно, интересно ведь осваивать «космос» религий мира, отыскивать и узнавать в них нечто новое, или просто, как любим выражаться, «заниматься реконструкцией» (а есть и фанаты «историографии», да и ещё мало ли чего). Это и подводит к ответу на первую часть вопроса: чем заниматься – а тем, что интересно.

Тут можно бы и остановиться, чтобы не множить банальностей. Но вовлеченность в научный процесс побуждает к новым вопросам:

- Как именно надо исследовать свой выбранный по интересу предмет, чтобы полученный результат не только тешил любознательность, но и имел бы научное значение?

- Научное значение полученного результата имеет ли какое-то отношение к окружающей нас жизни, или она (эта жизнь) сама по себе, а наука – сама по себе?

- Следует ли определять актуальность изучаемого материала его злободневностью на текущий момент? И что вообще для религиоведения есть критерий актуальности? (Любой, кто мастерит диссертацию, помнит про этот пресловутый пункт в автореферате и Введении; равно как и про убийственный пункт о «новизне»).

- Кому и зачем нужно то, что узнает религиовед о своем предмете? Как сообщить о своих научных результатах, кроме междусобойных конференций и малотиражных изданий? И нужно ли к этому стремиться, или если кто «со стороны» захочет ознакомиться, тот сам и поинтересуется?

Вопросов в этом ряду сформулировать можно ещё немало, любой причастный к реалиям отечественной науки и образования свой вопросник запросто выстроит. Поэтому остановлюсь в вопрошании.

Как и в первом тезисе, констатирую очевидное – всё запрошенное может быть отнесено не только к религиоведению. Вся наша социогуманитарная среда сидит на этих «иголках», как-то умудряясь

при этом ещё и выдавать сносные, иногда просто очень удачные результаты. Но какова, тавтологично выражаясь, результативность этих результатов?

Один пример: немногочисленные, но профессионально грамотные российские социологи религии с завидным упорством изучают религиозную ситуацию по стране, в регионах, в группах населения, определяют уровень и степень религиозности, выдают вполне правдоподобные данные. Данные эти периодически заметно расходятся с инструментальной идеологией «духовных скреп» (кстати, само сие понятие уже потихоньку ушло из оборота, но его дух неистребим). Исследователь гордится, что знает как оно «на самом деле» и печалится, что это мало кого интересует. И вот неприятный вопрос: а что, существование таких расхождений без социологических опросов и прочих процедур установить невозможно? Ответ звучит примерно так: в принципе, – возможно, но точности не будет и тогда это нельзя признать эмпирически подтвержденным выводом. И что из этого? Даже если вывод очень убедительно обоснован применением адекватного исследовательского инструментария, что именно такой вывод помогает понять, скажем, в религиозности опрошенных? Будет ли, к примеру, выясненная частотность совершения религиозных практик свидетельствовать о высокой религиозности? А по какому надёжному признаку нечто вообще опознается в качестве именно религиозного?¹ Ну и так далее. И это только один пример из области социологии религии. А есть ещё история религий, антропология религии, психология религии и далее «по списку», где хватает своих сложностей и неясностей.

К чему я это упоминаю? А к тому, что кристаллизуется или выковывается (кому как нравится) религиозоведческое сообщество, когда в религиозоведческой среде бурление идёт не по поводу статусных амбиций, а по поводу реальных проблем, требующих не только теоретико-методологических усилий, дискуссий, научной полемики, но и взаимной поддержки.

¹ См. более подробно: Смирнов М.Ю. Возможно ли отказаться от концепта религиозности при исследовании религии? // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. – 2015. Т. 16. Вып. 2. – С. 145–153.